

заработки и промыслы, чтобы покрыть чѣмъ-нибудь тѣ дефициты въ своемъ бюджетѣ, которые съ конца 60-хъ годовъ сдѣлались у нихъ постояннымъ хроническимъ явленіемъ. Заняться земледѣліемъ они, разумѣется, не могли, потому что въ этомъ случаѣ понадобилось бы обзаводиться скотомъ и вообще веѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, давно, еще во времена блаженной памяти отцовъ и дѣдовъ, распроданнымъ за ненадобностію; для этого пришлось бы дѣлать довольно значительныя затраты, между тѣмъ какъ весь наличный капиталъ кустаря-производителя состоялъ въ большинствѣ случаевъ изъ однихъ только рабочихъ рукъ и готовности работать. Въ виду этого, всякую мысль о заведеніи собственнаго хозяйства нужно было бы отбросить. Кустарю оставался одинъ исходъ—работа по найму у мѣстныхъ землевладѣльцевъ, или, издавна практиковавшійся у окрестныхъ крестьянъ, уходъ на лѣтнія работы, „въ закосъ“, въ южныя, степныя губерніи. Вотъ почему, наряду съ выселенцами, мы встрѣчаемъ въ подворныхъ переписяхъ по Олшанкѣ, Великой Михайловкѣ и Борисовкѣ сплошь да рядомъ такого рода отмѣтки: „сапожникъ и ходитъ въ закосъ“, „по специальности сапожникъ, но лѣтомъ ходитъ на косовицу“ и т. д. Такіе производители по зимамъ обыкновенно живутъ дома и занимаются своимъ мастерствомъ, работая или сами отъ себя, или по подряду, или же, наконецъ, въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ чужихъ мастерскихъ; но какъ только наступаетъ весна, они тотчасъ же выбираются изъ своего села, и съ косой на плечѣ и котомкой, наполненной хлѣбомъ, за спиной, направляются на югъ,—въ тѣ мѣста, гдѣ земледѣльческій трудъ оплачивается втрое и вчетверо щедрѣе здѣшняго. Въ хорошіе годы они, дѣйствительно, приносятъ оттуда солидный заработокъ—до 60—80 руб. за лѣто. Другіе же нанимаются въ полѣтчики, въ мѣстныхъ экономіяхъ и у своихъ соседей—мужиковъ, съ платою по 30—40 руб. въ лѣто на хозяйскихъ харчахъ. А нѣкоторые бросаютъ свое шило и колодку для полевыхъ работъ только въ самый разгаръ лѣтней рабочей поры и ходятъ въ поденную къ сосѣдямъ помѣщикамъ и крестьянамъ.

Такихъ явленій въ прежнее время среди производителей никогда не замѣчалось; они несомнѣнно составляютъ результатъ новыхъ условій жизни и указываютъ на общій упадокъ экономического положенія кустарей.

Такимъ образомъ состояніе въ которомъ мы застаемъ въ настоящее время кожевенно-сапожное производство въ нашихъ южныхъ слободахъ,—далеко не блестящее. Пониженіе цѣнъ на издѣлія, влѣдствіе конкуренціи тверскихъ и московскихъ сапожниковъ, исчезновеніе капиталовъ изъ производства, уменьшеніе заработка у кустарей—производителей и пониженіе ихъ общаго экономического уровня—все это служить несомнѣннымъ доказательствомъ того, что производство вѣрными шагами идетъ къ упадку.

Во всемъ описываемомъ районѣ кожевенное производство не имѣетъ самостоятельнаго характера и тѣсно слито съ производствомъ сапожнымъ, потому что здѣсь всегда одно и то же лицо занимается вмѣстѣ и кожевеннымъ, и сапожнымъ производствомъ. Выдѣлавши кожу, купленную на рынкѣ у крестьянъ, или спеціального торговца кожами, кожевенникъ тотчасъ же самъ и перерабатываетъ ее на сапоги—силами ли своей семьи, или при помощи наемныхъ рабочихъ—подмастерьевъ. Такъ что *каждый кожевенникъ здѣсь есть непременно вмѣстѣ съ тѣмъ и сапожникъ*, хотя, конечно, далеко не каждый сапожникъ есть кожевенникъ, такъ какъ многіе работаютъ сапоги по подрядамъ отъ хозяевъ, изъ готовыхъ уже выдѣланныхъ кожъ.

Всѣхъ производителей (мѣстныхъ) можно раздѣлить, собственно говоря, на семь группъ:

1) Крупные хозяева—скупщики, которые сами производствомъ вовсе не занимаются, не имѣютъ ни сапожныхъ, ни кожевенныхъ заведеній, а заняты исключительно скупкой готовыхъ издѣлій у мелкихъ производителей, для отправки ихъ на чужіе рынки, и поставкой сырья для мѣстныхъ производителей. Въ прежнее время, какихъ нибудь лѣтъ 15—20 тому назадъ, такихъ скупщиковъ